

И.М. Гвоздев

**Систематический перечень
судебно-медицинских данных**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 34
ББК 67
И11

И11 **И.М. Гвоздев**
Систематический перечень судебно-медицинских данных / И.М. Гвоздев – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 84 с.

ISBN 978-5-458-16701-7

Систематический перечень судебно-медицинских данных в практическом,
преимущественно, применении их к общественным потребностям. Заслужен-
ный ординарный профессор судебной медицины И. М. Гвоздев.

ISBN 978-5-458-16701-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ныхъ, которыя по своей узкой спеціальности не могли войти въ кругъ другихъ медицинскихъ наукъ.

Всякому извѣстно, что одно только описаніе способовъ практическаго приложенія, даже съ демонстраціями, безъ самостоятельной провѣрки ихъ самимъ учащимся, едва ли достигнетъ того, къ чему предназначена судебная медицина. Однимъ словомъ судебная медицина предназначена къ тому, чтобы все, что касается нашего тѣла-плоти, предъявить на судъ со всѣми матеріальными особенностями этой плоти, такъ, какъ бы особенности эти были передъ глазами самихъ судей.

Въ данной брошюрѣ преслѣдуется плотскій элементъ правосудія въ формѣ систематическаго перечня содержанія вопросовъ и, по возможности, отвѣтовъ, касающихся судебной медицины вообще и практическаго ея значенія въ частности. Въ введеніи мы, въ силу полного иногда незнанія учащимися медиками государственныхъ и общественныхъ потребностей, касающихся будущей ихъ дѣятельности, коснулись также, на сколько мы были въ состояніи, и этой стороны дѣла; причемъ бросили соотвѣтствующій взглядъ на экспертизу и экспертовъ и коснулись желательной нормы составленія судебно-медицинскихъ протоколовъ. Мы въ своей брошюрѣ обошлись безъ выписки статей закона, касающихся судебно-медицинскихъ данныхъ, хотя извѣстно, что эти статьи и вызвали существованіе судебной медицины,—въ виду того, что для разъясненія уже существующаго закона по судебно-медицинскимъ вопросамъ врачъ, какъ таковой, неумѣстенъ на судѣ; что же касается ознакомленія по статьямъ закона съ различнаго рода наказаніями за преступленія, касающіяся судебно-медицинской области, то это не входитъ въ прямую обязанность врача, какъ такового.

Вообще въ данной брошюрѣ мы будемъ излагать только то, что нами или провѣрено, или обстоятельно обдуманно, а потому цитать и ссылку на многочисленныя судебно-медицинскія руководства, по многимъ причинамъ, мы не нашли необходимымъ приводить.

Введение.

Мы называемъ обыденною жизнью такую жизнь, которая въ своемъ теченіи не дѣлаетъ рѣзко замѣтныхъ уклоненій, какъ напр. жизнь растительная, жизнь дикихъ животныхъ и первобытнаго, какъ говорятъ, человѣка. Такая ксность или обыденность жизни обуславливается ея потребностями. Потребности жизни состоятъ въ ея сохраненіи и продолженіи. Для сохраненія и продолженія жизни сама жизнь выработала въ организмахъ такія приспособленія, гдѣ каждая частичка этого организма достигаетъ наилучшаго развитія для своего цѣлаго. Цѣлое организма состоитъ, какъ всѣмъ извѣстно, изъ массы чрезвычайно мелкихъ организмовъ или клѣточекъ, состоящихъ въ свою очередь изъ массы мельчайшихъ частичекъ или молекулъ. Вотъ эти-то молекулы, въ силу своего приспособленія, усердно служатъ клѣточкамъ, а послѣднія цѣлому организму въ его сохраненіи и продолженіи.

Какими бы высокими идеями мы ни задавались, но эта обыденная потребность жизни должна составлять сущность послѣдней. Чѣмъ ниже по развитію организмъ, тѣмъ потребность эта осуществляется наименѣе сложнымъ образомъ.

Разсматривая нормальную дѣятельность какого-бы то ни было организма, наблюдатели замѣтили и математическую стройность этого отправленія и полную экономію въ расходованіи матеріала, необходимаго для этой дѣятельности, а потому и высказали надежду, что организація общества или государства тогда только достигнетъ надлежащаго развитія, когда усвоитъ стройность отправленія и экономіи живущихъ организмовъ, т. е. тогда, когда каждая клѣточка организма государства, т. е. каждый членъ общества будетъ, съ наименьшимъ трудомъ и съ наименьшею тратою матеріала, приносить наибольшую пользу.

Въ уклоненіяхъ отъ нормальной дѣятельности вообще живущаго замѣчено, что чѣмъ проще организація даннаго организма, тѣмъ уклоненія эти вызываются наиболѣе значительными агентами, а потому—чѣмъ выше общественная жизнь, тѣмъ съ большою осторожностью должны быть употребляемы агенты, могущіе нарушить правильность ея теченія.

Организмъ живущаго подобно обществу находится въ состояніи тѣмъ болѣе вождѣлѣнномъ, чѣмъ большее количество его частей-клеточекъ (членовъ общества) удовлетворено въ своихъ потребностяхъ; по мѣрѣ увеличенія числа неудовлетворенныхъ клеточекъ (членовъ общества), организмъ теряетъ свое благодущіе и предпринимаетъ для поправленія соотвѣтствующія и свойственныя ему мѣры, пока къ тому представляется возможность. Такимъ образомъ, по этому воззрѣнію, выходитъ, что государство или общество тогда только достигнетъ вождѣлѣннаго состоянія, когда каждый членъ его будетъ обезпеченъ въ достиженіи имъ своихъ насущныхъ потребностей.

Мы уже упомянули, что насущная потребность всего живущаго состоитъ въ сохраненіи и продолженіи его жизни. Потребности сохраненія и продолженія жизни достигаютъ у человѣка, въ сравненіи съ другими животными, наибольшей интенсивности и экспансивности, а потому и требуютъ со стороны государства, для надлежащаго своего удовлетворенія, и соотвѣтствующихъ учрежденій—министерствъ и таковыхъ же дѣятелей—администраторовъ.

Въ весьма сложной дѣятельности по министерству юстиціи мы имѣемъ намѣреніе и возможность коснуться только приложенія медицины къ правосуднымъ цѣлямъ.

При приложеніи чего-либо къ чему-либо всегда берутся во вниманіе способы и цѣль этого приложенія. Теперь, если мы коснемся однихъ только способовъ приложенія, напр. архитектурныхъ и медицинскихъ познаній къ потребностямъ общества и сравнимъ ихъ между собою, то встрѣтимъ, какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, существующіе уставы: строительный и врачебный.

Разсматривая строительный уставъ, мы увидимъ полную правительственную регламентацію, какъ плановъ возводимыхъ построекъ, такъ и качествъ матеріаловъ, пригодныхъ для построекъ. Здѣсь дѣло зодчаго состоитъ, главнымъ образомъ, въ

точномъ выполненіи регламентація, ибо строительный уставъ стремится все предвидѣть и приспособить къ наилучшему удовлетворенію общественныхъ и частныхъ потребностей.

Если же мы пожелаемъ ознакомиться съ врачебнымъ уставомъ, то встрѣтимъ, по большей части, одни только институты, т. е. не учрежденія, рассматривающія регламентированные правительствомъ планы и матеріалы для выполненія этихъ плановъ, а только учрежденія, въ которыхъ должностныя лица могутъ питать пока надежду современемъ получить врачебный уставъ, подходящий къ строительному.

Чтобы имѣть болѣе наглядное понятіе объ уставахъ строительномъ и врачебномъ, умѣстно будетъ слѣдять слѣдующее уподобленіе: уставъ строительный есть ноты, въ коихъ придерживающа власть помѣстила все, что потребно для надлежащаго выполненія данной піесы, и игра по этимъ нотамъ будетъ зависѣть уже отъ игрока. Уставъ врачебный имѣетъ также видъ нотъ или, лучше сказать, нотной бумаги съ заглавіемъ піесъ, но почти безъ всякихъ нотныхъ знаковъ, а потому долженствующій играть озаглавленную піесу долженъ еще сначала написать для себя соотвѣтствующія данной піесѣ ноты, или же просто смотрѣть на нотную бумагу и наигрывать подходящую фантазію на данный уставомъ мотивъ. Въ строительномъ уставѣ ноты распредѣляются какъ бы по голосамъ и инструментамъ, во врачебномъ же объ этомъ нѣтъ и помину, а потому для поставки врачей, желающихъ принять участіе въ выполненіи, такъ сказать, правосудной піесы получается неопредѣленный и полный просторъ.

Всякому извѣстно, что единичныя, личныя потребности и удовлетворяются единично, т. е. онѣ не возбуждаютъ общественныхъ вопросовъ, но общественныя потребности, въ силу логики, могутъ быть удовлетворены только обществомъ; если же эти потребности касаются цѣлаго государства, то ихъ можетъ удовлетворить только государственная власть. Всякому также извѣстно, что какъ единичныя, такъ и общественныя и государственныя потребности не теряютъ своей интенсивности въ случаѣ ихъ удовлетворенія, а потому постоянно вызываютъ объ удовлетвореніи.

Врачебный уставъ подобно строительному долженъ удовлетворять всякія медицинскія потребности, касающіяся частныхъ, общественныхъ и государственныхъ нуждъ. Нуждаю-

щимся вѣтъ дѣла до того, легко или трудно будетъ государству удовлетворить ихъ; они имѣютъ право и должны неуклонно напоминать государству о своихъ нуждахъ, хотя бы по пословицѣ: *ребенокъ не плачетъ, мать не разумѣетъ*. Но чтобы мать—правительственная власть—услышала и уразумѣла плачь ребенка-народа о потребностяхъ послѣдняго, необходимо иногда множество благопріятныхъ къ тому условий, касающихся какъ времени и мѣста, такъ и способовъ выраженія и удовлетворенія этого народнаго плача,—стоитъ только припомнить бывшую крѣпостную зависимость.

При постройкахъ вообще всякая почти ошибка строителя болѣе или менѣе для всѣхъ очевидна и не можетъ быть замалчиваема, но не то мы видимъ при выполненіи другихъ государственныхъ потребностей, особенно медицинскихъ, гдѣ почти всѣ общественныя потребности выполняются болѣе или менѣе гадательно, а иногда и просто замалчиваются. Къ такому выполненію предрасполагаетъ какъ самый способъ усвоенія и приложенія медицинскихъ данныхъ къ общественнымъ нуждамъ, такъ и нерѣдко весьма строгія предписанія начальства: „къ немедленному исполненію“. Очень рѣдко случается, что низшая инстанція позволяетъ себѣ сказать вышней, что предписаніе послѣдней содержитъ въ себѣ тѣ или другія научныя упущенія, а потому не подлежитъ немедленному выполненію.

Что касается замалчиванья, то, повидимому, всѣ несовершенства врачебнаго устава суть его послѣдствія. Хотя высшія и низшія врачебныя инстанціи вполнѣ сознаютъ недостатки устава, но молчатъ, какъ въ силу того, что и безъ того у нихъ много дѣла, да и легче идти по проторенному пути, такъ и потому, что запасъ знаній у служащихъ въ инстанціяхъ въ данное время не можетъ научнымъ образомъ оформить и доказать сознаваемые ими недостатки устава—только нѣкоторые молодые врачи, неутратившіе еще горячихъ научныхъ стремленій, громко говорятъ объ этихъ недостаткахъ, но въ свою очередь также замалчиваются.

Подобнаго рода замалчиванье еще извинительно для тѣхъ, кто изъ этого извлекаетъ себѣ, въ ущербъ общества, хотя какую-нибудь пользу; но замалчиванье недостатковъ врачебнаго устава со стороны пенсіонированныхъ врачебныхъ лицъ, особенно же медицинскихъ инспекторовъ, ничѣмъ инымъ не

можетъ быть объяснено, какъ только привычнымъ и полнымъ подавленіемъ у нихъ энергіи впечатлѣнія къ общественнымъ и государственнымъ нуждамъ; но когда задѣвается въ печати или судомъ ихъ собственная личность, то откуда-то берется у нихъ необыкновенная энергія.

Что касается приложенія медицины къ правосуднымъ цѣлямъ, то и здѣсь способы приложенія и цѣль должны стоять на первомъ планѣ.

По мѣрѣ развитія прикладныхъ наукъ, способы приложенія научныхъ знаній къ жизненнымъ потребностямъ и обобщаются, и упрощаются, т. е. стремятся къ тому, чтобы каждый, желающій ими воспользоваться, или получилъ бы самъ къ тому возможность, или, по крайней мѣрѣ, имѣлъ бы ясное сознаніе о способѣ ихъ приложенія. Цѣль подобнаго приложенія тогда только будетъ достигнута, когда всѣ, пользующіеся этимъ приложеніемъ, останутся вполне имъ довольными.

Потребность со стороны общества въ приложеніи медицинскихъ данныхъ къ общественнымъ нуждамъ появилась уже давно и выработала двѣ отрасли медицины: гигиену и судебную медицину. Первая изъ нихъ касается удовлетворенія фізіологическихъ потребностей человѣка, а другая всего, что только касается человѣческаго организма, для надлежащаго уясненія того или другаго юридическаго процесса. Такимъ образомъ, въ разсматриваемомъ нами приложеніи медицины къ правосудію будетъ обращено вниманіе только на способы, по коимъ научныя медицинскія данныя прилагаются къ правосуднымъ цѣлямъ, самая же цѣль этихъ приложеній, т. е. правосудіе, составитъ задачу юриспруденціи. Способы эти, по возможности, должны быть до того точны, чтобы никто въ нихъ не сомнѣвался, и до того упрощены, чтобы въ случаѣ крайности всякій ихъ могъ бы самъ провѣрить. Вотъ такіе-то способы приложенія медицинскихъ данныхъ къ правосудію и заслуживаютъ названія судебно-медицинскихъ или медико-юридическихъ данныхъ.

Какъ вообще доступно и наглядно для наблюденія вѣншее проявленіе жизни, такъ недоступна и сокровенна внутренняя жизнь. Какой бы мы ни взяли моментъ вѣшняго проявленія жизни вообще и человѣческой въ частности, мы можемъ

схватить этотъ моментъ и фотографією, и телефономъ и пр., и возстановить его образно, но уловить моментъ внутренней жизни, давшій поводъ ко внѣшнему ея проявленію, составляетъ самую трудную задачу высоко-развитаго ума.

Индивидуальная жизнь человѣка, какъ таковая, составляетъ область или фізіологіи, или патологіи, т. е. медицины; но жизнь эта съ точки зрѣнія общежитія обусловила извѣстныя законодательства и составила, главнымъ образомъ, область юриспруденціи. Такимъ образомъ выходитъ, что человѣкъ, какъ индивидуумъ, долженъ составлять вообще предметъ вѣдѣнія медицины, а какъ общественный дѣятель долженъ быть отнесенъ, по преимуществу, къ юриспруденціи. Но общественная жизнь человѣка не можетъ же рѣзко расходиться съ его индивидуальною жизнью, а потому дѣлается понятнымъ соприкосновеніе медицины съ юриспруденціею.

Преступныя или иныя человѣческія дѣянія, разсматриваемыя только съ внѣшней, очевидной стороны, не послужили бы поводомъ къ современному развитію юридическихъ наукъ, но внутренніе мотивы человѣческихъ дѣйствій, неясность, недокладательность этихъ мотивовъ для объясненія внѣшней стороны разсматриваемаго дѣянія и составляютъ главную причину прогрессирования юриспруденціи; отсюда также вытекаетъ призывъ свѣдущихъ людей вообще, для объясненія непонятныхъ для суда фактовъ, касающихся, какъ внутреннихъ мотивовъ въ разсматриваемомъ дѣяніи, такъ и внѣшнихъ признаковъ послѣдняго, говоря иначе: назначеніе суда состоитъ въ реставрированіи (воспроизведеніи) того состоянія, въ которомъ находилась подлежащая вѣдѣнію суда личность въ моментъ совершеннаго ею и разсматриваемаго судомъ дѣянія. Назначеніе же свѣдущихъ людей по медицинѣ касается, въ большинствѣ случаевъ, внѣшней стороны, но при психическихъ ненормальностяхъ юридическаго объекта участіе такого свѣдущаго человѣка считается неизбѣжнымъ для выясненія и внутренней стороны.

Вотъ это-то стремленіе юристовъ къ уразумѣнію внутренней стороны всякаго преступнаго дѣянія нерѣдко встречало неодолимыя препятствія и сдѣлало то, что добросовѣстные юристы вслѣдствіе правдивости своей уже съ давнихъ поръ окончательное рѣшеніе о внутреннихъ мотивахъ преступнаго дѣянія, т. е. о виновности или неповинности подсудима-

го, уступили суду присяжныхъ, т. е. самую существенную часть юридическаго процесса самоотверженно передали гражданамъ вообще.

Участіе свѣдущихъ людей вообще и врачей въ частности въ юридическихъ процессахъ.

Слово „свѣдущій человѣкъ“ само по себѣ такъ неопредѣленно и имѣетъ такое обширное значеніе, что въ разговорѣ только и употребляется съ прибавленіемъ словъ: въ этомъ дѣлѣ, т. е. въ этомъ дѣлѣ свѣдущій человѣкъ; а потому характернымъ признакомъ свѣдущаго человѣка служатъ его спеціальныя свѣдѣнія, т. е. его профессія. Но специалисты по извѣстной профессіи напр. слесарь, врачъ и пр., еще не говорятъ за то, что всѣ люди данной профессіи обладаютъ одинаковыми свѣдѣніями; даже изучившіе спеціальныя отдѣлы данной профессіи еще не могутъ быть безразлично употребляемы, на томъ же основаніи, въ качествѣ свѣдущихъ людей. Въ силу этого и законодательство не опредѣляетъ, а только указываетъ на соответствующихъ административныхъ чиновниковъ, какъ на свѣдущихъ людей по дѣламъ, касающимся ихъ спеціальнаго служенія, какъ напр.: при постройкахъ на губернскаго архитектора, по медицинѣ—на губернскаго врачебнаго инспектора и пр.; причемъ юристамъ не возбраняется привлекать на судъ и другихъ, подходящихъ къ дѣлу, свѣдущихъ людей, для наилучшаго достиженія правосудныхъ цѣлей.

Эта невозбранность юристамъ отыскивать между специалистами свѣдущихъ людей по ихъ индивидуальнымъ юридическимъ воззрѣніямъ, говоритъ за то, что приготовленіе государствомъ специалистовъ по извѣстнымъ отдѣламъ не соответствуетъ государственнымъ въ нихъ потребностямъ; въ противномъ случаѣ авторетъ юриста превышаетъ государственный авторитетъ, ибо пока государство еще колеблется въ выборѣ свѣдущаго человѣка, для юридическихъ процессовъ, судебный слѣдователь и вообще всякій юристъ безперемонно и по своимъ очень часто незрѣлымъ, юридическимъ понятіямъ вызываютъ въ качествѣ свѣдущихъ людей такихъ лицъ, которые о той отрасли медицины, по которой они должны дать суду показаніе, имѣютъ едва смутныя понятія. Такое упрощенное отыскиваніе по медицинѣ свѣдущихъ людей едва ли можетъ служить для наилучшаго достиженія правосудныхъ цѣлей.

Законодательство, указывая на свѣдущихъ людей, тѣмъ самымъ признаетъ ихъ существованіе, а законы признаютъ существующимъ только то, что не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, всѣмъ и каждому извѣстное. Тѣ свѣдущіе люди, которые потребны для удовлетворенія государственныхъ нуждъ, вырабатываются самимъ правительствомъ, напр. военные, духовные и пр.; тѣ же свѣдущіе люди, которые удовлетворяютъ частныя потребности, напр. портные, повара и пр., вырабатываются частнымъ спросомъ и не имѣютъ почти никакого соприкосновенія съ нуждами государства. При удовлетвореніи государственныхъ потребностей свѣдущими людьми по военной или духовной специальности наиболѣе пригодными считаются люди, занимающіе болѣе высокую административную должность. Едва ли бы было позволено юристу вмѣсто полковаго командира, какъ свѣдущаго человѣка по военной специальности, вызвать на судъ подпрапорщика, хотя бы послѣдній въ глазахъ вызвавшего его юриста и считался лицомъ самымъ пригоднымъ для правосудія и пр. Въ данномъ примѣрѣ ни у кого не явится подозрѣніе, чтобы полковой командиръ былъ менѣе свѣдущъ по своей специальности, чѣмъ подпрапорщикъ по той же специальности; причина же этому лежитъ въ томъ, что спеціальныя свѣдѣнія подпрапорщика повторялись у достигшаго полковничьяго чина безчисленное число разъ. Если бы существовало что либо подобное при приготовленіи свѣдущихъ людей по судебной медицинѣ, то въ законодательствѣ, по всему вѣроятію, не существовала бы статья, дающая право юристу выбирать свѣдущихъ людей по медицинѣ по своему субъективному воззрѣнію.

Принятое закономъ наименованіе „свѣдущій человѣкъ“ почти вездѣ замѣнилось неупотребляемымъ въ законѣ словомъ „экспертъ“, которое, какъ въ публикѣ, такъ и въ административныхъ бумагахъ почти совсѣмъ вытѣснило названіе „свѣдущій человѣкъ“. Намъ думается, что подобная замѣна имѣетъ очень важное значеніе, ибо оно вноситъ о лицѣ различныя степени свѣдѣній — инныя свѣдѣнія будутъ у свѣдущаго человѣка и инныя у эксперта *).

*) Для надлежащаго разумѣнія слова «экспертъ», мы обратились съ покорнѣйшею просьбою къ уважаемому ординарному профессору латинскаго языка въ Казанскомъ университетѣ Дарію Ильичу Нагѣевскому и получили отъ него слѣдующее:

Такимъ образомъ, какъ по точному лингвистическому объясненію слова „экспертъ“, такъ и по весьма желательному практическому примѣненію этого слова требуется, какъ неперемѣнное условіе, чтобы человѣкъ, принявшій на себя званіе эксперта, былъ дѣйствительно человѣкъ опыта, а потому не всякій свѣдущій человѣкъ можетъ получить званіе эксперта. Для полученія званія эксперта по извѣстному дѣлу потребна умудренность опыта по этому конкретному дѣлу. Такимъ образомъ, примѣняя сказанное къ медицинскимъ лицамъ, нельзя лишить окончившаго медицинское образованіе званія свѣдущаго человѣка, но ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать его экспертомъ.

Въ обыкновенной медицинской практикѣ, гдѣ почти всѣ болѣзни протекаютъ по опредѣленнымъ законамъ, требуется небольшое число случаевъ данной болѣзни, чтобы ознакомиться съ этими законами и прослѣдить въ лѣченіи этой болѣзни за

«Русифицированное слово «экспертъ» заимствовано отъ латинскаго причастія прошедшаго времени — *expertus*, происшедшаго отъ глагола *experiō*, *expertus sum*, *experiō* (изъ *ex* и неупотребляемаго глагола *periri*) означающаго: 1) пробовать, пытаться, испытывать; 2) извѣдывать, узнавать; 3) спорить, вѣдаться, имѣть дѣло.

Чаще всего упомянутое причастіе *expertus* значитъ: испробовавшій, испытывавшій, извѣдавшій, узнавшій; также въ страдательномъ значеніи: извѣданный, испробованный.

Затѣмъ это же причастіе *expertus* употребляется въ смыслѣ прилагательнаго и тогда значитъ: 1) опытный, свѣдущій (человѣкъ или какъ говоримъ «экспертъ») наприм. *expertus belli* или *expertus in bello*: опытный въ войнѣ какъ у Tacit Hist. IV, 76 и у Virg. Aen. X, 173; 2) другое значеніе прилагательнаго *expertus*—извѣданный, испытанный.

Производныя слова отъ того же глагола *experiō*, кромѣ упомянутаго выше прилагательнаго, будутъ: *experitio*, *omis*—опытъ, проба (не классическое и встрѣчается только у Vitruv, VIII, 5); 2) *experitor-oris*—дѣлающій или дѣлавшій опыты; но слово это весьма сомнительно, такъ какъ чтеніе мѣста у поэта Силія Италика (XII, 502) испорчено и исправляется различно и вѣрнѣе *turbatum experitor*—одни читаютъ: *turbatum*, Нерперіо, другіе иначе, выбрасывая совсѣмъ это изъ лексикографіи латинскаго языка. Если оно дѣйствительно написано было Силіемъ, въ чемъ я лично не сомнѣваюсь, то рекомендовано оно не можетъ быть, такъ какъ языкъ Силія не принадлежитъ классическому періоду римской словесности и во всякомъ случаѣ мы его заимствовали не отсюда, а отъ *experiō* съ значеніемъ прилагательнаго *expertus*, какъ объяснено мною выше».